

ПИСЬМА О ЛЮБВИ

Никита Цветков

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Юноша, чьи прозаические наброски и рисунки мы представляем на страницах ЛГО, родился в 1982 году и ушел из жизни в 16 лет. Читая его письма, с особой силой понимаешь: то, в чем обвиняют современную молодежь, – не обо всех, не обо всех...

Письмо первое (Год 1386. Рига)

Это было в августе. Или в начале сентября. Я точно не помню. Помню, что шел дождь, и дорога превратилась в грязное месиво. Я ехал на полудохлой кляче за своим сюзереном. Чавкала жирная ливонская земля под копытами, а кругом глухой стеной стоял темный чужой лес, весь в тяжелом тумане. В тумане было все: лес, дорога, мои мысли.

Мой сюзерен был человек хороший, но грубый. Он с разворота съездил мне по зубам своей кольчужной перчаткой и выхватил из ножен меч. Так мы и стояли: он – с мечом наголо, я – с разбитой губой и рукой на рукояти кинжала, когда мимо нас в серебряном блистании свиты пронеслась ты. В стремительном галопе скакали лошади, и грязь летела из-под копыт, но твое белое платье было как снег, и только кончик тупельки запачкала ты, летя подальше от холодных лесов и... от меня. Я был ослеплен твоей красотой, но больше никогда тебя не видел.

Я был убит через три дня в пьяной драке на постоялом дворе. Мой сюзерен вынес меня на траву и, наверное, снес башку-другую, но мне уже было все равно. Надо мной нависло тусклое серое небо – чужое небо. Мне было трудно дышать – длинный нож литовца задел легкое. Я чувствовал, что жизнь уходит от меня упругими толчками и заливают звенья

кольчуги. И твое лицо вновь встало перед моими глазами – в серебряном сиянии доспехов. И Герольд трубил... И смерть смотрела пустыми глазницами... Я так хотел узнать, кто ты, но не успел. И не думал тогда, что узнаю – потом...

Письмо второе (Год 1760. Берлин)

Осень. Опять осень. Тусклая осень 1760 года. Мы заняли Берлин. Мы – русские солдаты и офицеры корпуса Чернышева. «Мы» – так говорили австрийцы из корпуса Ласси. К несчастью, они оказались там тоже, и город стал задыхаться от грабежей среди бела дня, от убийств и насилия. От зверской жестокости, которую австрийцы оправдывали двумя словами: «За Силезию!».

На офицерском собрании было решено покончить со всем этим. Собрание было тайным, и утром Чернышеву представили лишь устный доклад. Он поднял глаза на стоявшего рядом Тотлебена и едва заметно кивнул, молча глядя светлыми, пронзительно-серыми глазами. Я стоял у двери и видел все. И уже на завтра со своим взводом шагал по улицам города. Мне выпало патрулировать окраины.

Чадили фонари в ночи. Шаг, шаг, поворот. Ботфорты по щиколотку тонули в жидкой грязи. Шаг, шаг, поворот. Никого, только ветер скрипит вывесками. Шаг, шаг... И вдруг – крик!

– За мной! Багинеты примкнуть! Бегом!

В грязном переулке, обегая трехэтажный дом, я вдруг подумал: «Выбегу, а там – австрийцы. И никто не успеет. Залп – и схоронят меня на холме с видом на Шпрее. Крест поставят. И все. Я остановился. Стало страшно от сознания того, что смерть близко, за углом. А мне так хотелось жить. Но там, откуда бил в глаза свет фонаря, доносился крик, и ноги сами понесли вперед. Шаг, шаг, поворот. Какой-то пьяный в дымину кроат Марии-Терезии приставал к молодой девушке, орал, хватаясь за ее платье. Злость убивает разум, и я не сразу заметил, что австриец в полтора раза выше меня.

– Ах ты, сволочь!

Но вихлястая шпаконка полетела в одну сторону, а я – в другую. Громадная тень нависла надо мной, размахивая палашом и источая крепкий сивушный дух.

– Ну вот, отбегался, – мелькнула у меня мысль.

От первого удара он завертелся волчком, второй опрокинул его тушу на землю. Успели!

– Эй, Ожогин! Не добивай союзника!

Приклад упал к ноге. Я встал. Выплюнул два выбитых зуба. Смахнул кровь с губ.

– Веди его к казармам, там поговорим. Ты за старшего. Я подошел к девушке. Она стояла с заплаканными глазами и что-то говорила, всхлипывая. Моих скудных познаний в немецком хватило, чтобы понять:

она благодарит меня, хотя я не совсем понимал, почему именно меня, потому что меня едва не искромсали?

Мы долго шли по пустынному городу до ее дома. На набережной лаяли собаки, стелился предрассветный туман. Подле тяжелых бронзовых дверей она обвила мою шею руками, поцеловала меня... и убежала в дом. Я услышал, как щелкнул замок, потрогал разбитую губу и усмехнулся. А потом вспомнил, что до этого меня целовала только мать.

Я умер, так и не увидев тебя. Хотя нет, я видел... Я видел рижскую дорогу, свиту в доспехах из серебра – и тебя. И капли дождя на щеке, и коричневые капельки грязи на белоснежной тифельке из козьей кожи. И трубил Герольд. Или это были ангельские трубы? Вот тогда я понял – люблю тебя. Что ты – моя жизнь.

Письмо третье (Год 1812. Смоленск)

Я ничего не помню. Надо мной высокие каменные стены. Стены, которые враг так и не одолел. Кругом в город входят французские гренадеры. Хоть бы пошел дождь. Было бы легче умирать.

Как я был ранен? Не помню. Взрыв, выстрелы, люди в синих мундирах, красные эполеты, дым. Как тяжело! И перед глазами пелена...

И ты... Опять ты. Где же я видел тебя? Твое ласковое лицо всплывало из темноты, я силился вспомнить тебя. И я вспомнил. Огромный дом, колонны, белые залы. И ты. И болели глаза от блеска бриллиантов. Ты была со своим мужем – генералом Тучковым-младшим. Я был знаком с ним еще по Финскому походу.

– Разрешите представить тебе мою жену, Маргариту, или Мари. Мари, это Алексей, мой адъютант. Вообще-то он художник.

Веер, треща, раскрылся пушистым облаком.

– Мне кажется, я Вас где-то видела...

– Я часто выезжаю в свет.

На меня глянули пронзительные глаза.

– Алексей, а зачем Вам нужна эта война?

– Я баталист, война – мое искусство.

– Странно...

– Наверное, для кого-то это дико, но я с Вашим мужем только поэтому и сошелся. Он часто говорил: стрелять и махать саблей могут многие, а вот творить в гуще боя – единицы. Художников из Академии не заманить под пули.

Голос Тучкова донесся из-за колонн:

– Мари, прошу сюда, князь Петр приехал.

Веер, свернувшись, печально упал на колени.

– Я должна идти. Вы, Алексей, заезжайте к нам.

– Польщен Вашим вниманием, сударыня.

Нет. Не то я хотел вспомнить...
Берлин. Шпрее, твои глаза под ярким светом фонаря над воротами. Черт побери! Какой я безнравственный человек! Позволил себе влюбиться в замужнюю женщину.
Наверное, это все.

Письмо четвертое (Год 1915. Ковно)

Чавкала под ногами грязь. Лил дождь. За лесом стучали пулеметы. Как тяжело: мы отступали, отступали болезненно, теряя сотни человек. Не хватало патронов – мы шли в штыки. А в лицо нам били немецкие пулеметы, и атаки захлебывались в крови. Немцы добивали нас артиллерией. И мы отступали, истекая кровью сквозь грязные бинты. Надо было прикрыть отступление.

Мне не забыть блеска золотых нитей погона с двуглавым орлом. Полковник размял сигару в пальцах и, внимательно посмотрев на меня, спросил:

– Вам, юнкер, жить не надоело? Только честно. Как будто бы он знал все. Я вспомнил письмо невесты: «Прости меня, но волею обстоятельств...» и так далее. Невесты у меня не стало.

Вспомнил экзамен в Академию: профессор долго смотрел то на меня, то на мои рисунки, потом с шумом выдохнул струю густого дыма и «протянул назад» все мои надежды. Вот и жить надоело.

– Это, конечно, лучше, чем иметь дело с жизнелюбивыми гусарами. Суть: мы отходим на Ковно, на северо-восток. Немцы должны пойти на юг. Вы будете прикрывать шестое шоссе.

– Будто мы...

– Вот именно, будто вы – заградотряд.

В голове щелкнуло: ну ладно я, а кто спросил тех, кого я сейчас поведу на смерть?

– Вопросы?

– Вопросов нет, Ваше высокоблагородие.

– С Богом, юнкер!

И подумал: кто я? Что мне было предназначено свыше? Хотя теперь все равно. Живым отсюда не выйти.

Едва высунувшись из леса, мы попали под огонь немцев.

– Как эти сволочи здесь оказались? Да еще на грузовиках. По болоту!

Я не знал, что немцы навели гать по старой дамбе посередине болота и теперь косили нас разрывными пулями с машин. А потом примкнули штыки к карабинам и пошли на нас.

Страх льдом заполнил всю мою душу, забившись во все закоулки. Я сунулся лицом в землю, закусив

рукав шинели. Но рядом лежали и умирали люди, те самые, с которыми я от самой Казани делил последний сухарь в теплушках, пил водку на перегонах. И эти люди не бежали назад, а, стиснув зубы, ждали врага.

Сначала не спеша, шагом, потом немцы разогнались в своем упорном наступлении, и наш залп – почти в упор – выбил взвод. Потом захлопали одиночные выстрелы, штыки блеснули страшно близко. Я взвел курок. И больше ничего не помню. Помню лишь, как поднялись в контратаку, как побежали немцы, как я упал, задохнувшись от боли, как замолкли отбитые пулеметы.

Еще помню дорогу в госпиталь. Рядом лежал пленный немецкий унтер-офицер. Из его кармана выпала фотография. Я взял ее липкими от крови пальцами. – Красивая. Наверное, полячка.

...И я вспомнил все. И Берлин, и Ригу, и Москву. И стало жутко и больно оттого, что ты была так близко, а я тебя все время терял. И так долго потом искал. И не нашел...

И вечная ночь спустилась на Землю...

*Альманах «Гранки» № 1,
февраль-март 2005*

Рисунки автора

На волне **ВДОХНОВЕНИЯ**

Альманах «Слово», издаваемый школой хутора Ближнеосиновский Волгоградской области, по единому мнению экспертов, – одно из самых замечательных открытий Конкурса школьных изданий «Больше изданий хороших и разных» 2008 года. Он представляет собой образец сотрудничества поколений – и дети, и подростки, и учителя вносят в общее дело посильный вклад. Мы предоставляем наши страницы его постоянным авторам – историку Алексею Белоусу и преподавателю английского языка Елене Иличкиной

СПАС-НА-КРОВИ

Жизнь дрянней и мрачней, но живи!
От себя все равно не сбежать.
И у стен твоих, Спас-на-крови,
Покаяния просит душа.

Ах, как эта минута мала,
Но забыть никогда не смогу:
На закате горят купола,
Как слова, что сложились в строку!

Этот знак надо мной неспроста:
Полон веры, как имя твое,
И строки благородная сталь
Вырезает из жизни гнилье!

Я бы жил как и жил без тебя –
Одуванчиком на мостовой,
Но единая нить бытия
Нас навеки связала с тобой!

И я чувствую горечь и гарь
Всем объемом твоих куполов...
И несчастен растерзанный царь,
И несчастен убийца-холоп!..

Это неотделимо от нас.
Нареветься бы всласть, да о чем?
Я стою обреченно, как Спас-на-крови,
Что течет и течет...
1995

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Февраль заврался. Кружева
От рук черны.
Но снова с нотами слова
Обручены!

Душа грустит о декабре,
Но март родней.
И птицы – чернь на серебре –
Висят над ней.

Их крики вязнут в облаках,
Вмерзают в лед...
И исцелившая рука
Наотмашь бьет...

Как сон из тьмы запасника –
К утру забыт,
Февраль убил свои снега
И сам убит,

Дождем оплакан.
А потом,
В последний раз,
Зима затянет раны льдом
На час, на час...

А ныне дождь. Да не пролей!
Душа полна!
Сойду с ума, как снег с полей,
До дна.
1997

Алексей Белоус

преподаватель
истории.
Хутор
Ближнеосиновский,
Волгоградская обл.

ЗАКАТ НА ДАЧЕ

Смешалось все: потомки и предтечи.
Не разобрать что ново, что старо.
Тоска тасует тени, но под вечер
Нырять солнце в красное ведро.

Финал прохладен. Лишь тепло рубахи
Да маленький мирок под старину.
Поет сверчок. И кошка цвета хаки
Ведет свою неясную войну.

Закат красив, и тьме не перевесить.
Душа бредет на тонких каблуках
Дорогой грез.
Но слишком острый месяц...
И слишком много крови в облаках...
2006

МАРТ

И ветер выл – и был таков,
Но прежде чем устал, –
Седую гриву облаков
По небу разметал!

Вода и снег. Пейзаж – поп-арт,
И крúгом голова!
Я понимаю: это март
Вступил в свои права.

Мильоном капелек пробьет
Лукавая капель,
И хриплым горлом запоет
Простуженный тоннель!

И вновь пульсирует висок
Предчувствием строки,
И образ твой, как образок,
Спасает от тоски!
1993

* * *

Когда переступлю черту
Туда, где не о ком молиться,
И этих чувств живые листья
Задует ветром в темноту,

Не будет смерти – будет срок
Преображенья были в небыль.
Вернется все к истоку строк:
Слова – на землю, дух – на небо.
1992

ОСЕННЕЕ

Наташе

Как голову шальная мысль,
Природу осенила осень.
Моим вернувшимся вопросам
Ответы так и не нашлись.

Художник – дождь, хмельной аскет,
Смывает краски – скороспелки,
И проступает желтый цвет,
Как подлинник из-под подделки...

Потом не кистью – кистенем
Взмахнет художник над пейзажем,
И мир – как серый ствол.
На нем Последний желтый лист насажен.

И вот уже другая власть
Ведет туда, где кровь и плаха, –
Принять стрихнин страстей и страха
И вместе с осенью пропасть!

Не обретенный целиком,
Я обитаю где-то между:
Мою недужную надежду
Пою горячим молоком.

Со мной сомненья, сны и тени.
Но, непослушна и легка,
Растет растерянным растением
К тебе бегущая строка.
1993

Из рисунков Никиты Цветкова

ЛЁНЬКА

Странички девчоночьего дневника

Мне три года. Мама говорит, что я уже большая и должна ходить в садик, но я не хочу-у! Реветь начинаю дома, натягивая колготки, влезая в шубку и валенки. Мама завязывает мне шарф так, что он закрывает рот, но и сквозь него слышны мои причитания. Воспитательница ведет меня в группу, успокаивая, а я вижу пухлого мальчишку с челкой. Его серые глаза смеются. Надо мной?!

В саду карантин. Такое волнующее слово! Оно будит в моем воображении горы карамели, горки серпантина и море веселья. Везет Лёньке: его на месяц отдали «в карантин», а я, несчастная, сижу дома с бабушкой. Вечерами хожу к соседке, тете Вале (окна ее квартиры выходят на детсад), и смотрю на море огней в группах. Как им там весело: целый месяц без родителей!

Мы играем в игру. Воспитательница объяснила правила: «Вы поедете на бал: “да” и “нет” не говорить, черное с белым не мешать, “р” не выговаривать...». Я уже представляю себя принцессой в капроновом белом платье с плиссированной юбочкой, которое мне сшила мама. В нем я – настоящая принцесса. И вот, наконец, вопрос обращен ко мне: «Вы поедете на бал?». От смущения я лишь киваю. «А какое платье наденете?» – «Белое». Вот и все. Померкла мечта, не успев расцвести. У меня глаза полны слез.

Кто-то сел рядом и положил мне на колени медвежонка. Сквозь просвет, освобожденный скатившейся слезинкой, различаю: Лёнька.

Сегодня я иду в первый класс. Мама сшила мне синее коротенькое платьице и белый, чуть короче платья, фартучек. Я ослепительна! Как я счастлива, что моя мама такая рукодельница! У других девчонок купленные в магазине платья до колен, на вырост, и еще более длинные фартуки. Такого красивого наряда нет ни у кого! Мама заплела мне ото лба по всей голове косички из моих коротеньких волосенок и вплела два широких белых капроновых банта. Я неотразима!

Вот мой класс. Моя первая учительница – Куликова Александра Павловна. Какой красивый мальчик! Вот бы меня посадили с ним! И поближе к доске. Я буду отличницей. Ведь папа и мама окончили школу с медалями. Я тоже. Нет, меня посадили за последнюю парту (я выше всех мальчиков и девочек). Не сразу заметила, что соседом Александра Павловна выбрала мне Лёньку. Все погибло. Ну почему я такая невезучая?!

Я болею. Лежу в постели с забинтованным горлом. Мама поит меня горячим молоком с маслом. Фи, какая гадость! Температура спала, но кашель бьет. Вчера вечером мама ставила мне горчичники. Укутав меня в них, она налегла мне на грудь и стала загова-

Елена Иличкина

преподаватель
английского языка,
главный редактор
альманаха «Слово»,
хутор
Ближнеосиновский,
Волгоградская обл.

ривать зубы. Сказки всякие. А я чувствую, что меня стали раки щипать, все сильнее и сильнее. Вот уже будто в кипяток опустили мое несчастное тельце, и я варюсь вместе с раками. Приподнимаюсь на лопатках – не помогает. Извиваюсь, пытаюсь сбросить с себя маму. Она что-то говорит, убеждает, но раки и я уже сварились, я кричу: «Пусти! Мамка – дурка!». Утром мама, уходя на работу, целует меня в лоб, проверяя температуру: я не дышу, делаю вид, что сплю. Мне стыдно.

Что это трепещет на стене? Солнечный зайчик. Подбегаю к окну. Это Лёнька. Он живет в доме напротив. На третьем этаже. Смотри-ка, он выставил на подоконнике все свои игрушки. Хвастается?! Ну я ему покажу! У меня есть медведь Гаврила, кукла Петя с веснушками в панамке (как настоящий мальчик!) и ходячая кукла Даша, которая говорит: ма-ма. Жаль, через дорогу Лёнька не услышит.

Сегодня Лёнька нарисовал на асфальте (схематично) кровать и двух человечков – один на другом. Он утверждает, что детей не аист в роддом приносит, где их родители выбирают, а мама с папой их сами делают. Все он врет! Папа же, когда принес щеночка Бетси, сказал «купил», а не родил. Не буду с этим глупотой разговаривать!

Что сейчас было! Лёнькина мама приходила к нам ругаться с моей мамой. Она кричала, что я хулиганка, что надо девочку лучше воспитывать... Дальше я не слышала, мама велела мне пойти в свою комнату и закрыть обе двери. Ну и ладно. Потом расскажет. У нас с мамой секретов нет. Я ей тоже сразу про этот случай рассказала.

Я как обычно пошла из школы по Сережкиной дороге. Моя мечта – сидеть с ним за одной партой – не исполнилась. Как я завидовала Люське! Их чернильницы стояли на парте рядом. А ее жест, когда рукой она отводила завиток со лба и поправляла косички, выводил меня из себя. Я ненавидела Люську за то, что Сережка на нее иногда смотрел. Эта девочка не знала, как я хочу денек побыть Люськой.

Каждый день после уроков я шла домой по его дороге. Вчера, как всегда, меня у подъезда встретил Лёнька и опять стукнул портфелем по голове. Вдруг я не получу медаль и стану дурочкой, как соседка Сима?! Я укусила его за локоть. В этом укусе слилось все: почему Сережка меня не замечает, почему Лёнька не дает проходу, почему я выше всех, кроме Ирки...

Укус у Лёньки был сначала красным, потом синим, потом желто-зеленым, но больше он меня не трогал. Просто шел следом. Так и брели мы после школы: Сережка, за ним на некотором удалении – я, за мной – Лёнька.

Вчера Лёнька принес мне сережки. Такие красные пластмассовые бирюльки. Домой их взять я не могла. Да у меня даже уши не проколоты. Выбросила в подвальное окно. Сегодня узнала, что Лёньку выпролили. Он украл их у матери. Ни за что не признаюсь, что приняла их!

Ленька на меня обиделся. У меня самой на душе мутрно. Не хотела такого. По русскому нам задали сочинение-описание. Анна Григорьевна пояснила, что описать можно друга, родителей или кого-то из знакомых. Я не колебалась в выборе. Красок не жалела. Челка, нос картошкой, глаза с хитринкой, серые брючки на одной лямке, пуговицы – светофоры на рубашке, и бесцельное времяпрепровождение с дворовыми мальчишками на ящиках за гаражами, где втайне курили. Имени не называла, но, когда Анна Григорьевна – как лучшее сочинение – прочла мое, все догадались. Прости меня, Лёнька!

Шесть лет я безответно влюблена в Сережку, хожу на все матчи, в которых играет его дворовая команда, на концерты, где выступает его ВИА, записалась в секцию легкой атлетики. Все бесполезно. И вот мы переезжаем в новую квартиру. Я буду учиться в другой школе. Отряхну, как прах с ног, неудачное свое житье-бытье, и на новом месте начну все с чистого листа!

Лёнька сказал, что я некрасивая, но привлекательная. Он полночи просидел под моим окном. Лёнька – тоже в прошлом! Будущее будет ярким и счастливым!

Много лет я не видела своих бывших одноклассников: новая школа, институт. Лёнькины родители развелись, его забрали в армию. В числе первых добровольцев он попал в Афганистан. Оттуда и прислал мне письмо: «Здравствуй, красавица...». Я ответила. Но переписка была недолгой. Его захватили на посту, вывезли. Выкололи глаза, отрезали уши, руки, ноги. Отец, открывший цинковый гроб, поседел в одночасье.

Лёнькин друг сказал: «Это ты виновата. Он писал, что постоянно думает о тебе».

Похоронили Лёньку Вербицкого под простым солдатским обелиском со звездой, под какими, наверное, хоронили солдат в годы Великой Отечественной. Он был первым из нашего класса. И первым из Афгана.

Сколько лет прошло... Мой сын – тоже Лёнька – уже старше тебя. Ты добился своего. Определенный уголок моего сердца навсегда принадлежит тебе, дворовый хулиган, недолюбленный и так верно любивший, – «серый воробышек»!